

The background image is a dramatic, high-contrast photograph. It depicts a person from behind, walking away from the viewer down a narrow path in a forest. The person is wearing a dark jacket and a backpack. The path is flanked by tall, dark evergreen trees. At the end of the path, a brilliant, intense orange and yellow light emanates, resembling a massive fire or a low sun setting behind a veil of smoke or mist. The overall color palette is dominated by dark blacks and greys of the forest, and the vibrant oranges and yellows of the light source.

Александр Восьмой

Книга 10. «Пепел над забытой деревней»

18+

Александр Восьмой

**Книга 10. «Пепел над
забытой деревней»**

«Автор»

2026

Восьмой А.

Книга 10. «Пепел над забытой деревней» / А. Восьмой —
«Автор», 2026

В глухой долине, куда не долетает даже эхо больших дорог, стоит деревня, которую будто стёрли со всех карт. Сюда приходит мальчик с пустым взглядом и мешочком пепла — и с этого мгновения ночь становится длиннее, а тени начинают шептать имена тех, кто давно должен был быть забыт. Сказка здесь прячется в старых колыбельных, а ужас — в том, что эти колыбельные вдруг начинают сбываться. В книге сплетаются фольклорные мотивы и нарастающий кошмар: сначала пропадают животные, потом сны, а следом — сами воспоминания людей. Высокая конверсия достигается за счёт быстрого погружения в тревожную тайну и постоянного ощущения, что за героями кто-то наблюдает из темноты.

© Восьмой А., 2026

© Автор, 2026

Александр Восьмой

Книга 10. «Пепел над забытой деревней»

Глава 1. Мешочек пепла

Солнце садилось, и багряный свет ложился на покосившиеся крыши, будто пытался напоследок согреть деревню, которую, казалось, сама земля старалась забыть. В этот час на тропе, что вилась между валунами и сухими кустами, появился мальчик. Босой, в залатанной рубаше, с лицом, лишённым всякого выражения — словно кто-то стёр с него все эмоции, оставив лишь пустоту. В руке он сжимал маленький холщовый мешочек, и, когда шёл, внутри что-то тихо шелестело, будто пересыпался чёрный пепел.

Никто не знал, откуда он пришёл. Даже староста, помнивший каждую тень на этих дорогах, не мог вспомнить, когда именно мальчик ступил на деревенскую землю. Казалось, он просто возник — как возникает туман над болотом: незаметно, исподволь, будто всегда был где-то рядом, только прятался в сумерках.

К ночи деревня начала меняться. Сначала замолчали куры — перестали нести яйца, забились в тёмные углы курятников и сидели там, нахохлившись, будто ждали чего-то страшного. Потом собаки, обычно бродившие по дворам с ленивым лаем, вдруг попрятались под крыльца, под самые доски, и оттуда, из темноты, поднимали головы и выли — не на луну, а в одну точку, туда, где в сгустившейся тьме будто дрожал невидимый контур.

Старуха Марфа, сидевшая у окна с прялкой, вдруг перестала напевать свою привычную колыбельную. Пальцы замерли, а глаза расширились, будто она услышала в тишине что-то такое, от чего кровь стыла в жилах. «Они зовут, — прошептала она, не обращаясь ни к кому. — Имена шепчут. Те, кого давно пора забыть».

С этой ночи тени в деревне стали длиннее, чем положено. Они не просто ложились на землю — они тянулись, изгибались, будто искали, за что ухватиться. И в каждом скрипе половицы, в каждом шорохе ветра слышалась старая колыбельная, которую раньше пели детям, чтобы те спокойно засыпали. Теперь она звучала иначе — как обещание, что сон не будет мирным, а утро может и не наступить.

А мальчик стоял у околицы, смотрел в темноту и тихо сжимал в пальцах мешочек с пеплом. И казалось, что именно из этого шелеста рождается новый кошмар — тот, что начнёт стирать не только сны, но и сами воспоминания, пока деревня не забудет даже собственное имя.

Глава 2. Деревня, которой нет на картах

Старый картограф из соседнего города клялся, что лично стирал эту долину с гербовой бумаги — не по приказу, а потому что линия карандаша сама уползала в сторону, будто бумага не хотела держать на себе эту местность. «Не держится, — бормотал он, водя грифелем по плотной бумаге. — Как будто земля сама отталкивает своё имя». И в конце концов он сдался: провёл жирной чертой поверх долины, и с тех пор на всех официальных картах там тянулась ровная, пустая полоса — будто кто-то аккуратно вырезал кусок реальности.

Фёдор, сын мельника, шёл по тропе, которая, по всем правилам, должна была вывести его к соседнему селу за два часа. Но он шёл уже полдня, а дорога всё петляла, возвращая его к знакомым валунам и сухим кустам — тем самым, мимо которых он точно проходил раньше. Тропа будто играла с ним, подменяя повороты, и Фёдор всё чаще ловил себя на мысли, что не столько идёт вперёд, сколько кружит на месте.

Когда солнце начало садиться, он вышел к деревне. Не к той, которую искал, а к той, о которой шептались в трактирах как о месте, «которого лучше не называть». Дома стояли тесно, крыши покосились, а между ними висел густой сумрак, будто ночь здесь оседала раньше, чем

в остальном мире. На околице стоял тот самый мальчик — босой, с пустым взглядом, и в руке у него по-прежнему был мешочек, от которого тянуло холодом даже на расстоянии.

— Ты опять здесь? — хрипло спросил Фёдор, хотя не собирался ничего говорить.

Мальчик не ответил. Только чуть наклонил голову, будто прислушивался к чему-то, чего Фёдор не мог услышать. И в этот момент Фёдор понял: он не просто сбился с пути. Он пришёл туда, куда не должен был приходить, — в место, которое старалось быть забытым, и теперь, когда он его нашёл, оно не собиралось его отпускать.

В деревне начали гаснуть огни — не разом, а по одному, будто кто-то невидимый задувал их изнутри. И вместе с угасанием света из домов уходило что-то ещё: память о том, как их строили, кто в них жил, зачем они вообще были нужны. Старик у ворот пробормотал, глядя в темноту: «Мы тут давно не живём. Мы тут просто стоим».

Фёдор почувствовал, как по спине ползёт холод, и понял: деревня не просто исчезла с карт — она стирала себя изнутри. А на том забытом месте, где память истончалась, вырастало что-то новое — тёмное, голодное, шепчущее в тишине. И этот шёпот уже подбирался к его собственным воспоминаниям, пытаясь выцарапать из головы имена родных, названия дорог, даже собственное имя.

Мальчик крепче сжал мешочек, и из него просочилась тонкая струйка чёрного пепла, которая тут же подхватила ветром и рассыпалась по деревне, словно сея что-то, что должно было прорасти в темноте.

Глава 3. Колыбельная, которую нельзя допеть

В доме кузнеца было тихо — слишком тихо для вечера, когда обычно гремели горшки, скрипели половицы и дети спорили, кому спать ближе к печке. В этой тишине особенно громко прозвучал голос Арины, младшей дочери кузнеца. Она сидела у люльки, где спал её младший брат, и тихо напевала — ту самую колыбельную, которую прабабки просили не повторять после третьего куплета.

Сначала никто не обратил внимания. Старая песня цеплялась за воздух привычными словами, будто хотела казаться безобидной, как любой убаюкивающий напев. Но Арина не остановилась. Она допела до третьего куплета — до тех самых строк, что веками хранили в молчании, передавая из уст в уста только первую половину, а дальше — лишь жест рукой: «Не надо».

Едва стих последний звук, по избе пробежал ледяной сквозняк, хотя все ставни были закрыты. Пламя в печи сжалось, стало синеватым, будто ему не хватало воздуха. Дети, уже уложенные спать, вдруг сели на лавках, не открывая глаз, и уставились в одну точку — туда, где тень от балки на потолке изогнулась, словно пыталась принять форму человеческой фигуры.

На улице ночь будто набрякла, стала плотнее. Луна, ещё минуту назад висевшая высоко, провалилась за тучи, и темнота легла на деревню тяжёлым покрывалом. И тут стало ясно: ночь стала длиннее ровно на один час. Час, который не принадлежал никому — ни дню, ни утру, ни даже самой темноте, привычной и понятной. Это был час вне времени, час, в котором могли сбываться забытые слова.

Старуха Марфа, прибежавшая на крик, схватила Арину за руку и прошептала:

— Зачем ты допела? Теперь они услышали.

— Кто услышал? — тихо спросила девочка, и в её голосе уже не было детской уверенности.

— Те, кто живёт в словах, — ответила старуха, глядя не на Арину, а в угол, где тени начали шевелиться, будто пробуждаясь от долгого сна. — Те, кого мы прятали в молчании.

Из-за околицы донёлся тихий шёпот — не ветер, не звери, а голоса, складывающиеся в имена. Имена тех, кого деревня давно должна была забыть. И каждое имя, произнесённое в этой удлинившейся ночи, возвращало того, кто его носил, — не в виде человека, а в виде голода, в виде холода, в виде чего-то, что тянулось к живым, чтобы напомнить: они не одни.

А в центре деревни, у старого колодца, стоял мальчик с пустым взглядом. Мешочек с пеплом тихо шелестел, будто одобрял случившееся. Он чуть склонил голову, прислушиваясь к шёпоту, и едва заметно кивнул — как будто именно этого и ждал.

С этого часа сны в деревне начали исчезать. Люди засыпали, но не отдыхали — они проваливались в пустоту, где не было ни образов, ни воспоминаний, ни даже ощущения времени. А когда просыпались, в их памяти зияли дыры: кто-то забывал лицо матери, кто-то — название родной улицы, а кто-то вдруг не мог вспомнить собственное имя.

Колыбельная, которую нельзя было допеть, сделала своё дело. Она открыла дверь, которую веками держали закрытой, и теперь из-за неё тянуло не просто холодом — а памятью, которая хотела забрать у деревни всё, что делало её домом.

Глава 4. Тени наизусть

К полудню деревня будто застыла в странном ритме — не в своём. Солнце стояло высоко, но свет казался приглушённым, словно его фильтровала невидимая пелена. Люди двигались, разговаривали, брали в руки ведра и косы, но в воздухе висело ощущение, будто кто-то уже успел всё это проделать до них — и не просто повторить, а сделать чуть раньше.

Первой это заметила Лида, девочка, что собирала крапиву у забора. Она шагнула влево, чтобы обойти корягу, и вдруг увидела: её тень метнулась туда ещё до того, как нога оторвалась от земли. Лида замерла. Тень не дрогнула, не расплылась — она стояла, чуть наклонившись вперёд, будто ждала, когда девочка наконец догонит собственное движение.

— Не смотри на неё, — хрипло бросил старик Трофим, проходя мимо. Он не глядел на Лиду, он смотрел куда-то поверх её головы, в сторону околицы. — Тени нынче не послушные. Они сами по себе ходят.

Лида подняла глаза. На краю деревни, у покосившегося столба с обрывком верёвки, стоял мальчик. Тот самый — босой, в залатанной рубаше, с пустым взглядом. Он не шевелился. Ни ветер не трепал его волосы, ни солнце не заставляло щуриться. Он просто стоял и смотрел — не моргая, не дыша, будто сам превратился в тень, которая забыла, как быть человеком. В руке он по-прежнему сжимал мешочек, и из него, несмотря на безветрие, время от времени высыпалась тонкая струйка чёрного пепла, тут же оседавшая на землю, словно чернила на промокашке.

В тот же день кузнец, размахивая молотом, вдруг увидел, как его тень уже занесла руку — раньше, чем он сам. Удар прозвучал в его воображении за миг до того, как молот коснулся наковальни. И этот миг — крошечный, едва уловимый — показался ему дверью, в которую кто-то тихо подталкивал его сзади.

К вечеру тени в деревне перестали быть послушными отражениями. Они двигались чуть раньше, знали шаги наизусть, будто выучили всех жителей до последней привычки. И хуже того — они начали добавлять к этим шагам что-то своё: лишний наклон головы, резкий взмах руки, движение, которого никто не собирался делать. Люди ловили себя на том, что замирают, прислушиваясь к собственному телу, пытаясь понять, где кончается их воля и начинается эта чужая, опережающая их тень.

Старуха Марфа, сидевшая на крыльце, шептала, не глядя ни на кого:

— Они учат нас своим движениям. Сначала — тень, потом — мы. А когда привыкнем идти за ними, уже не поймём, кто из нас настоящий.

Ночь пришла раньше обычного, будто день устал держаться. Тени слились с темнотой, но не растворились в ней — они стали её костяком, её каркасом. И в этой темноте слышался

тихий, едва уловимый шёпот — не слова, а ритм, похожий на стук сердца, только слишком ровный, слишком точный, будто его отсчитывали не внутри, а снаружи.

Мальчик на околице всё так же стоял. Его тень не двигалась — она будто приросла к земле, став частью той самой невидимой линии, что отделяла деревню от остального мира. И когда последний свет угас, стало ясно: тени больше не повторяют людей. Они ведут их. Шаг за шагом. Туда, где воспоминания тают быстрее, чем дым, а имена забываются ещё до того, как их успевают произнести вслух.

Глава 5. Скотный двор

Рассвет в деревне начинался не с крика петуха — теперь он начинался с тишины. Той самой, что давит на уши, будто мир затаил дыхание. Фёдор, сын мельника, шёл к скотному двору с ведром тёплого пойла, уже зная: что-то не так. Ворота были приоткрыты, хотя он сам крепко задвигал засов ещё вчера. Петли тихо поскрипывали, будто кто-то только что вышел — или только что вошёл.

Внутри пахло сеном, навозом и... чем-то ещё. Чем-то чужим, сухим, как запах выжженной травы после грозы. Загоны были пусты. Коза Марта, что вечно цеплялась рогами за перегородку, исчезла. Овцы, сбивавшиеся в кучу при каждом шорохе, — тоже. Даже корова-кормилица, без которой деревня не пережила бы зиму, оставила после себя лишь вмятину в соломе и холодное место, где ещё недавно грелось её большое тело.

Фёдор замер, не решаясь шагнуть дальше. А потом заметил: на полу, ровно посередине двора, лежали аккуратные кучки пепла. Не рыхлые, не разбросанные — будто их кто-то сложил с нарочитой тщательностью. И они были тёплыми. Тёплыми, хотя ночь стояла холодная, а ветер гулял по щелям, выстуживая всё до последней крупинцы тепла.

— Они ушли, — тихо сказал за спиной голос.

Фёдор обернулся. У входа, прислонившись к косяку, стоял мальчик. Тот самый — с пустым взглядом и мешочком пепла. И впервые за всё время он улыбался. Улыбка была недоброй — не от радости, а от понимания чего-то, что другим знать не полагалось.

— Куда ушли? — хрипло спросил Фёдор, хотя уже знал ответ.

— Туда, где не возвращаются, — спокойно ответил мальчик, глядя не на Фёдора, а на кучки пепла, будто считал их. — В чёрный бор. Даже ветер оттуда не приходит.

Снаружи, над полями, небо казалось выцветшим, будто из него выкачали все краски. И в этой бледной пустоте чётко выделялась цепочка следов — не звериных, не человеческих, а будто оставленных чем-то, что не имело веса, но оставляло отпечаток. Следы вели строго на север, туда, где лес становился гуще, темнее, где деревья росли так плотно, что между ними не просачивался даже лунный свет.

Старуха Марфа, прибежавшая на крик доярки, опустилась на колени рядом с одной из кучек, провела по пеплу пальцем и тут же отдернула руку, будто обожглась.

— Это не зола, — прошептала она, глядя на мальчика с внезапным ужасом. — Это память о них. Кто-то стёр их, как стирают мел с доски.

Деревня замерла. Без животных она становилась не просто бедной — она становилась чужой. Пропадала привычная жизнь: скрип ведер, мычание, блеяние, тепло живого дыхания в холодные ночи. Оставалась только тишина, которую теперь наполняли другие звуки — шёпот теней, скрип ставен, будто кто-то снаружи пытался заглянуть внутрь, и тихий, едва уловимый шелест мешочка, который мальчик по-прежнему сжимал в руке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.